

ВЭЛ КИЛМЕР

УРОКИ
ФРАНЦУЗСКОГО
ДЛЯ БИЗНЕСМЕНА

18+

Вэл Килмер

Уроки французского для бизнесмена

<https://litres.ru/74414274>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мария Попова, учительница французского и просто уютная пышка с зонтиком в цветочек, привыкла решать проблемы, а не создавать их. Когда строптивая дочка местного олигарха начинает прогуливать школу, Мария садится в старый «Рено» и едет в самый центр урагана, даже не подозревая, что этот ураган окажется мужчиной.

Виктор Власов, успешный бизнесмен и вдовец, уже полгода задыхается за стеклянными стенами собственной репутации. Несправедливое обвинение в домогательствах превратило его в изгоя в глазах окружающих. Теперь любая женщина, задержавшая на нем взгляд, видит не его, а грязный шлейф скандала. Ожесточившийся, одинокий, он давно разучился верить в искренность.

Но когда приходит весна, даже в душе самого ожесточенного одиночки распускаются ландыши. Вот только как объяснить женщине, что ты не чудовище, и просто хочешь согреть ее руки и никогда не отпустить?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Уроки французского для бизнесмена

Глава 1

Мария

Мария Попова недаром носила звание «Учитель года». Она пропиталась им за годы в гимназии, где начала работать сразу, как получила диплом. Гордое звание толкнуло ее наконец взять в свои руки Милану Власову. Девочку, безусловно, талантливую, трудоспособную. А как она говорила на французском!

Папа у нее бизнесмен, как слышала Мария, и возил дочь во Францию, но всё же для беглой речи мало двух недель в качестве туристки — предрасположенность к языкам налицо. Обидно, что с девочкой творились странные дела.

И еще обидней, что отцу ее были безразличны прогулы Миланы, отлынивание от конкурсов и внеклассной деятельности. В пятнадцать ребенка надо строго направлять! В пятнадцать уже мальчики на уме, но это рано! Это опасно! Неужели Власов не понимает?

Вот Машина мама всегда предупреждала насчет мальчиков. Может, и перегнула палку, ведь Мария даже в институте сторонилась парней (да их в педагогическом было по паль-

цам сосчитать, и быстро всех расхватали), ну и что? Она не так уж и страдала без них. Важнее профессия, карьера, самостоятельность, а не посиделки в беседке.

Вот это Мария и хотела высказать Власову в лицо. Он же деловой человек. Должен понимать. Но бизнесмен так и не отреагировал на запись ни в обычном дневнике, ни в электронном.

Ну раз гора не хочет двинуться к ней, придется ей самой двинуть в гору. Она не могла иначе.

Мария дышала преподаванием, каждый ученик становился для нее птенчиком, которого нужно взять под крыло, чтобы вырастить гордую сильную птицу. Хотя о себе Мария не думала как об орлице. Увы, она больше походила на наседку. И в двадцать семь уже не надеялась, что совет собственное гнездо. И так вышло, что примирилась с этой мыслью. Бороться с судьбой — бессмысленно.

Ученики ее любили, закрывая потребность в собственной семье. Полная, со светлыми волосами, с конопушками, она выглядела мило, и дети тянулись к ней уже просто поэтому. Одевалась не строго, скорее просто прилично, друзья говорили, что она уютная. Неудивительно, что мужчины не видели в ней женщину. Учительницу, соседку, добрую приятельницу — да, но не более.

Собрав волосы в гульку на макушке, она накинула плащ, надела дурацкие, купленные на рынке резиновые сапоги в цветочек. Взяв розовый зонт (тоже в цветочек) и ключи, гля-

нула на себя в зеркало.

— Что ж. Посмотрим на господина Власова. Что за отец он такой.

Она вздохнула. Ей бы хотелось выглядеть строже, жестче, чтобы оказать на родителей эффект серьезности. Всегда казалось, что ее не принимают всерьез. И дала себе слово, что в разговоре с Власовым не даст тому спуску.

Была пятница. От Миланы она знала, что в конце недели Виктор Власов всегда едет домой. В седьмом часу Мария отправилась за город.

Весна пришла в Краснодар поздно, город утопал в зелени, но земля превратилась в кисель после первых же серьезных дождей. И эти дожди готовы были пролиться без всякого предупреждения.

Вот и сегодня ветер гнал тучи, солнце то взрывалось светом, то пропадало. Забарабанили капли по лобовому стеклу. Мария ехала по навигатору, но вдруг связь пропала. Она сбавила скорость, тыкая в экран телефона, не сразу включила дворники, и потому не увидела предупреждающий знак о ремонтных работах.

Машина вдруг ухнула в ямку, в другую. Сквозь воду на окне Мария увидела, что асфальт срезали, что она едет по грунтовке. Передние колеса забуксовали.

— Только не сейчас!

Она нажала на педаль газа, колеса бешено вращались, разбрасывая грязь, но машина только глубже оседала на брюхо,

в салоне запахло паленой пластмассой. Испугавшись, Мария выключила двигатель.

— Ну вот, пожалуйста, — пробормотала она себе под нос. — Дождалась. Приехали. Бон вояж!

С минуту она решалась, глядя на сплошную стену воды. Либо кто-то подтолкнёт ее, либо дернет, либо вызывать эвакуатор. А потом что? Опять по новой сюда ехать? Когда? Нет. Надо идти до конца. Буквально.

Она взяла зонт, намеренная все-таки увидеть нерадивого родителя, а потом уже решить вопрос с машиной. Она открыла дверь, и та распахнулась под натиском ветра. И зонт, едва Мария раскрыла его, вывернуло наружу.

Ситуация была глупее не придумаешь. Учительница французского, мечтательница, обожающая Бодлера и Годара, застряла в грязи по дороге к бизнесмену и горе-отцу, чтобы обсудить прогулы его пятнадцатилетней дочери.

— Я не из тех, кто падает, — сказала она грязи под ногами.

До поселка было еще километра полтора. Мария вздохнула, поправила зонт, зашагала по дороге, стараясь обходить глубокие лужи — те набирались прямо за секунды. Она чувствовала себя нелепо с розовым зонтом и бежевым плащом под хлещущим косым ливнем и яростными порывами ветра.

Она прошла минут десять. С плаща текло, вода даже в сапоги налилась! И вот сзади послышался мощный рев мотора. Огромный черный внедорожник, сверкая чистыми бо-

ками, поравнялся с ней и... остановился. Стекло бесшумно поползло вниз. Она привстала на цыпочках, но даже тогда не увидела водителя — высоко слишком, и место водителя с другой стороны.

— Садитесь, — раздался глубокий мужской голос.

Она поглядела под ноги — между ней и машиной широкая колея, полная жидкой грязи. Она ступила носком и погрузилась ногой чуть не по щиколотку. Дна не видать.

Хлопок двери заставил ее поднять голову.

Из-за капота появился мужчина, и она встретила с ним взглядом. Высокий, широкоплечий. Его дорогой, выглаженный до хруста костюм, белая сорочка вмиг намокли.

— Долго будете ломаться? — бросил он и перемахнул одним прыжком через канаву.

— Я что? — пролепетала Мария.

Внезапный порыв вырвал зонт из ее рук, и его потащило по земле. Она хотела кинуться за ним, но голос мужчины заставил опомниться.

— Забудьте!

Мужчина очутился рядом внезапно быстро. Но еще более неожиданным стало то, что он подхватил ее под ноги под коленями, сильная рука скользнула на талию, и он оторвал Марию от земли. Ветер задрал полы плаща и широкую юбку до самых бедер. Вскрикнув, она заторопилась поправить ее. А мужчина уже шагнул в грязь, но стоял твердо на ногах, понес ее к внедорожнику. Она забыла, как говорить. Она что

ли вещь?!

Он поставил ее на землю, открыл дверь.

— Ну?! Или вы водные процедуры принимаете?

Он не спасает, а раздражен, что повстречал ее на пути. Мария ощутила себя пристыженной под этим грозным пронзающим взглядом, мелкой под этим раздраженным «Ну». Она взобралась в высокую машину, села, чувствуя, что с нее течет на коврик, на сиденье.

Спаситель сел за руль. Автомобиль тронулся. Ехали молча. В какой-то момент Мария уловила запах — нежный, свежий, прохладный и слегка сладковатый цветочный аромат. Любопытство вынудило ее обернуться. На заднем сиденье она увидела ландыши. Очень много!

Отворачиваясь, она задержала взгляд на профиле мужчины. Кому столько цветов? Ох! Такой рыцарь — спас ее, и еще цветы везет кому-то!

Вдруг он повернулся к ней лицом. Безусловно красивым.словно вырезанным из мрамора, но живым. Умные темные глаза смотрели на нее без обычного мужского оценивающего скольжения, а с каким-то странным интересом.

«Господи, какой мужчина! — пронеслось в голове. — Прямо мифический султан из сериала, обожаемого мамой. Сволочь, наверное, редкостная, но до чего хорош».

— Куда вам? — резко спросил он.

— Туда, — пролепетала она.

— Куда «туда»?

— В поселок.

— Это я понял. Судя по тому, что вы шли не в сторону города.

Она хоть и вымокла до платья, но ей стало нестерпимо жарко. Он так грубо говорит! Наверное, думает, что из-за такой клуши вымок и испачкался в грязи, а она вдобавок и двух слов связать не может.

Она вспомнила, кто она и какая ее цель.

— Я еду к Виктору Власову, — сказала она твердо.

Мужчина вскинул брови.

— И зачем он вам? Вы кто?

— Я Мария Попова. Преподавательница в гимназии. Я еду к нему по делу.

Он нарочито коротко хохотнул.

— Прямо Мэри Поппинс! Надо было зонт побольше взять.

— Прошу прощения?

Он не ответил, потому что вывернул руль, проезжая на асфальтированный участок. Она сжала ремешок сумки.

— Куда вы меня везете?

— Ну как же? К Власову. Вам к нему?

— Да.

— Вот и всё. Хотя могу и не везти.

— Почему это?

— Потому что Власов — это я.

Ей на ум пришло «финита ля комедия».

Мария представляла себе Власова этаким самодовольным пузатым владельцем пароходов в золотых запонках.

Она вспыхнула оттого, что минуту назад подумала, что он красивый и мужественный.

И еще сильнее, осознав, как выглядит прямо сейчас.

Неуклюжая пышка в смешных сапогах, с растрепавшимися от ветра русыми волосами, выбившимися из пучка, прилипшими к лицу. Наверняка ее голова выглядит так, словно корова лизнула, из-за чего ее щеки выглядят как две подушки. Она всегда накручивала волны, зная, какой эффект производят приглаженные волосы.

Она была не из его мира. Ни грамма косметики, никакой хищной сексуальности, какую показывали в сводках светской хроники о богачах или в кино. И дом, к которому они подъехали, только подтверждал ее измышления насчет Власова. Это был двухэтажный коттедж с высокими дубами во дворе за кованым забором. Ворота открылись автоматически.

— Ну, мисс Поппинс. Приехали.

Виктор

Виктор повез дамочку к себе, потому что другой дороги всё равно не было, а для спасения ее машины нужно было трактор вызывать.

Это надо же заехать на «рено логан» в такое месиво! Да... женщина за рулем, что с нее взять.

Виктор исподволь присмотрелся к ней — кто такая? Никогда ее не видел здесь. Такую он бы запомнил. Барышня из прошлого века. Русская такая барышня. Румяная, губы полные, глаза голубые. Фигуристая, чтоб ее. Но хоть и в теле, а оказалась легкой. Неудивительно, ведь роста в ней — макушкой едва до плеча достала.

Когда она назвалась, он подумал о Марье-царевне, такой точно кокошник в жемчуге подойдет, но против воли выпалил про Мэри Поппинс. Виной тому был нелепый зонт. Она правда считала, что он убережет ее от такого ливня?

А когда узнал, что она к нему едет, и он такое отчебучил, пришел в раздражение. Отличное начало знакомства с учительницей дочери! Нечего сказать!

И еще главного не мог понять...

Неужели до школы не долетели слухи о его репутации?

О грязном скандале, связанном с обвинением в изнасиловании?

Знай эта пышечка, к кому она едет, даже не зашла бы в дом. Многие женщины теперь даже смотреть на него боялись!

— Не стесняйтесь. Приведите себя в порядок, — бросил Виктор, открывая дверь свободной рукой — другой держал ландыши. У самого в ботинках грязь хлюпала, пиджак прилип к спине. А девушка и подавно уже продрогла. И действительно, зубы у нее стучали.

— Б-благодарю. Как к вам об-бращаться?

— Виктор Сергеевич, — разуваясь, ответил он. Резче, чем хотелось бы.

— Мария Игоревна.

— Не до фамильярностей. — Он поставил цветы на скамью. — Раздевайтесь. Не хватало еще, чтобы вы ушли на больничный из-за моей дочки. Вы из-за нее приехали же? — Он видел красные уведомления в электронном дневнике.

— К-конечно.

Виктор провел учительницу в гостиную. Дрожа, она опустилась на край дивана. Он включил теплый пол. Скинул пиджак и рубашку. Хотя майка осталась сухая. Развернувшись, встретился с ее ошарашенным взглядом: глаза как блюдца, бровки вздернуты. Мысли понеслись одна за другой — что она так смотрит? Она думает, он будет мокрый ею заниматься?!

И тут до него дошло. Он аж зубами закрипел.

Она в курсе. Ну, конечно. Такая история! Всякая кошка в подворотне знала, что крупный бизнесмен домогался сотрудницы. Харрасмент, абыюз! Как еще журналисты называли всё это? О, да! Теперь он в глазах каждой — нарцисс и психопат, днем и ночью мечтающий сорвать с кого-нибудь белье!

Вот хотя бы с нее.

— Чего сидите? Снимите наконец плащ!

— Я в порядке, — пролепетала она и уставилась перед собой.

В порядке она. Как же! Губы синие, пальцы белые. И всё почему? Боится его. Думает, начнет раздеваться, и он прыгнет, как псих, помогать станет. Потому что он уже не человек, а животное! Так она думает наверняка.

— Прямо в порядке! — Виктор подошел и потянул за рукав плаща. — Да вас выжимать можно! Ну!

Она захлопала голубыми глазами, словно перед ней чудовище какое-то. Он дернул, стягивая рукав, затем второй. Под плащом было приличное учительское платье. Вот прямо приличнейшее. Почти монашеское. Время вечер, пятница, а она приехала как гимназистская мадам-руководительница. Еще и в плотных колготках. Теперь грязных. Может, у нее баллончик перцовый в кармане плаща, раз не спешит снять? Сидит и думает, как отбиваться от него.

Власов со вздохом раздражения кинул плащ учительницы на спинку дивана и пошел за горячей водой, чувствуя себя раздавленным под грузом позора и тенью, легшими на его жизнь как будто бы навсегда.

Он нашел подходящий таз, подставил под кран, отрегулировал температуру, бросил туда горсть соли для ванн — жена любила такую. Теперь соль просто стояла, напоминая. Когда он вернулся в гостиную, Мария Игоревна сидела всё там же, на краешке дивана, и дрожала так крупно, что это было видно даже со стороны.

И конечно, она сидела одетая!

— Вы всё еще не разделись?! Вы хотите, как Достоевская

героиня, заболеть чахоткой? — Он поставил таз на пол у ее ног, опустился на колено, взял в ладони подол платья. — Да вы гляньте! — Он прокрутил ткань, на пол потекло. — Ну что же вы сидите?!

Ему так хотелось сказать ей: меня оболгали, я — обычный мужик, адекватный! Да только вышло так:

— Я уже заполнил список изнасилованных на сегодня!

Мария ахнула, прижала ладони к груди. Ее жест привлек его внимание, и он увидел, что ткань прилипла и четко обозначила соски. Он застыл на мгновение, потом помотал головой, что же теперь? Бросить ее?

— Мария. У вас ногти синие! Вы в своем уме? Встаньте.

В нерешительности учительница встала.

И так его разозлила ее натужная целомудренность, этот наигранный ужас, что он от злости запустил руки ей под юбку и сдернул с нее колготки.

Глава 2

Мария

— Ай! — воскликнула Мария.

— Да бросьте! Вы поглядите на ковер! — Он указал на грязные следы от их ног.

Марию сковало внутри. Она перестала понимать, что такое творится?! Да, она вымокла насквозь. Да, замерзла. Ее действительно трясло. Но раздеваться перед отцом ученицы — бредовой не придумаешь!

Но Власов всё напирал и настаивал, разговаривая с ней как со школьницей: сверху и словно разочарованно — что вот она туго соображает.

— Сядьте же!

Его грозный рык привел ее в сознание, но она села скорее автоматически. Прикосновение широких ладоней Власова совсем привело ее в чувства. Он взял ее за щиколотки и опустил ноги в таз с водой.

Дыхание перехватило — вода показалась обжигающей. когда она чуть согрела ноги, Власов стал растирать ее ступни, потом поднялся выше — к щиколоткам, к икрам, к коленям. Его руки двигались медленно, чувственно, но в этом не было похоти. Это была забота. Самая настоящая, грубая, мужская забота о продрогшей женщине. *Блаженство!*

Он поднялся с колен, упер руки в бока. Она глянула быст-

ро и спрятала глаза. Хотя, казалось бы... Не голый же он стоит! И при чем тут изнасилования?

— А список длинный? — ляпнула она и, испугавшись, прижала ладони к горячим щекам.

Власов выгнул бровь.

— Хотите знать, найдется ли в нем место?

Она помотала головой.

— Почему список?

Он сложил руки на груди.

— Чтобы не повторяться!

Резко развернувшись, он широким шагом вышел. Мария принялась обмахивать лицо. Почему он так ею раздражен? Что такого она сделала? Ситуация неприятная, но разве это ее вина?

Она осмотрелась. Большая гостиная, богатая, наверное. В своем простом платье она ощутила себя чужеродным элементом среди красоты декора из ваз и картин. Она обхватила себя руками. Что с ней? Отчего ей стало не всё равно?

— Вот вам. — Власов возник внезапно и протянул ей полотенце.

Мария замешкалась, вызвав у него следующий приступ раздражения. Он сел рядом, накинул полотенце ей на голову и, промокивая, стал вытирать. Затем спустился к лицу, к шее. И вдруг сделал движение, будто собрался обнять ее. Мария инстинктивно отшатнулась.

— Что такое? Бойтесь, что я открою запись на сегодня?

— Он расправил полотенце и укутал ее плечи. Ладонями он принялся растирать ее руки, она стала согреваться. — Другое дело! Хотя губы уже не лиловые.

От мысли, что он смотрит на ее губы, по телу разлился жар. И против воли она уставилась в ответ на его губы. Помужски твердые, четко очерченные.

Боже!

До нее дошло, что она впервые сидит рядом с мужчиной, он прикасается к ней, и так они близко, что ему достаточно наклониться, чтобы поцеловать ее. И вдруг эти самые губы приоткрылись.

— Как непрактично, Мария Игоревна. Такие длинные волосы. Да еще густые. Наверное, уже натекло с них за ворот-то.

— Вы бы тоже вытерлись, Виктор Сергеевич.

— Я закаленный, — бросил он, как огрызнулся.

Ей захотелось парировать, что, несмотря на это, какой-то он всё же невыдержанный, а он вдруг взял ее за руки и сжал.

— Как рыбка на ощупь.

— Или гусыня, — пробормотала Мария, покрываясь мурашками — такие горячие у него были ладони, и чуть шершавые, словно Власов не в кабинете сидит днями, а...

Она уловила его запах, и мысли осеклись. Это был не парфюм, а терпкий запах мужчины. Зажмурившись, она отвернулась и вся замерла. Власов вдруг бросил ее ладони и поднялся с места.

— Ну, Мария Игоревна!

— Что?

— А то! — Он сжал кулак, рот его скривился, глаза сощурились, словно он что-то прикидывал. — Поднимайтесь наверх. Дам вам вещи. — Развернулся и кинул скорее себе. — Сил моих больше нет.

Виктор

— Вы идете, или вас нести? — Он потер пальцами веки, дожидаясь, и вдруг почувствовал аромат, может, шампуня или ее духов, сладкий, как конфета. Аромат остался на пальцах.

Мария торопливо подошла, прячась под белым полотенцем. Мокрая юбка облепила ее пышные бедра.

— Поднимайтесь, — пригласил он жестом идти вперед и почти сразу пожалел.

Глядя Марии в спину, Власов шел следом и не мог отлепить взгляд.

«Хороша!»

Единственное слово поразило его, как ударом молнии.

«Одичал я! И правда бросаться на женицин стану».

Тут же против воли фантазия вспыхнула в его уставшем уме. Представил, как протянет сейчас руку, возьмет Марию за плечо и развернет к себе лицом. Сейчас она бы стояла на ступеньку выше — удобно, лицом к лицу, — и дала бы себя поцеловать. Платье было на молнии сзади. И ему захотелось

потянуть за собачку, услышать звук расстегиваемой молнии и увидеть, какого цвета белье на этой скромнице.

Он прижал ладонь к щеке, чтобы очнуться, но, только вдохнул сладкий аромат ее парфюма, оставшийся на коже. Он резко отдернул ладонь. Скорей бы выпроводить из дома уже эту Мучительницу!

— Так, зачем вы приехали? — сдавленно спросил Власов, шокированный фантазией.

Мария остановилась на пролете.

— Милана прогуливает уроки. Я веду английский и французский. Она пропускает иногда. И в журнале я вижу пропуски по другим предметам.

Виктор постарался сосредоточиться на услышанном.

— Вы знали об этом? — спросила Мария. — Ваша дочь прогуливает школу! — выпалила она. — Третий месяц. Вы вообще интересуетесь её жизнью?

— Да, Милана говорила, что отпрашивается. Из-за самочувствия.

— Тогда где справка?

Он раздраженно вздохнул.

— Оценки в порядке?

— Что?

— Оценки хорошие, спрашиваю.

Учительница захлопала ресницами. Волосы у нее уже чуть подсохли, и мягкие волны касались скулы и подбородка.

— Хорошие.

— Тогда не вижу проблемы!

— Минуточку! Вам интересно, почему она пропускает? Если она так часто чувствует себя плохо, надо пойти к врачу, нет?

— Не учите меня! Я давно прошел школу жизни! И уверен в дочке. Пара пропусков не помешают сдать экзамены. А помешают — так плевать. Я в состоянии обеспечить ее будущее образование.

— Откупитесь от ребенка?

У него слов не нашлось ответить на такую дерзость. Власов положил Марии на плечи руки, пододвинул ее с пути и прошел в комнату, принадлежавшую супруге. Ее вещи он так и не решился убрать без разрешения Миланы, и как кстати. Найдется что-нибудь.

Он перебирал плечики в шкафу, ища что-то просторное, как за спиной раздался голос Марии:

— Это вашей жены?

— Она уже их не наденет. Не волнуйтесь. Вот. — Он показал платье типа длинной рубашки. — Я не сведущ в названиях. Сгодится? — И, не дождавшись ее ответа, заключил: — Сгодится.

Власов перекинул платье через локоть и подошел к Марии.

— Повернитесь.

— Зачем?

— Расстегну платье.

Он увидел, как по ее скулам разлился румянец. Ну да. Услышать такое от абьюзера и нарцисса, склонного к домогательствам — даже такая благодушная душечка придет в гнев.

— Да не нужны вы мне в моем списке! Успокойтесь.

Но Мария вдруг с восклицанием шумно выдохнула.

— Что так?

— Простите?

— Да, я не красавица. И не худая, как модель. Но что дает вам право оскорблять меня?!

Власов впал в ступор.

— Оскорблять?!

— Я знаю, что не привлекательна. Но вполне довольна собой. Потому что не к одной красоте сводятся женские качества. И с вашей стороны просто низость умалять мою личность до одной черты внешности.

Несколько мгновений Власов соображал, а потом расхохотался.

— О, дорогая. Дело как раз в обратном. Боюсь, что еще минута, и я дам прессе новый повод стереть меня в порошок!

— Не понимаю...

— Я тоже. Вы явились сюда. Вы здесь не больше получаса, а у меня едет крыша! Ей-богу, я действительно заведу список, и вы будете в топе.

— Прекратите смеяться надо мной! — Она топнула ногой, полотенце соскользнуло с плеч и упало на пол. Мария

выпрямила гордо спину, отчего мокрая ткань натянулась, обозначив линии бюстгалтера. Власов сглотнул, когда понял, что белье кружевное.

Да. Мария не была моделью с обложки. Она была настоящей, живой женщиной. И ощущение ее кожи на своих пальцах он чувствовал так, словно всё еще держал ее за маленькие стопы.

На секунду ему показалось, что он забыл, как дышать.

— Я не смеюсь. Вам доказать? — Он решительно шагнул к ней.

— Я вас не понимаю, — прошептала она, пятясь.

— Я вас хочу, — сказал Власов прямо. — Вот здесь и сейчас. С мокрыми ногами и в этом мокром платье.

— Вы с ума сошли? — выдохнула она. — Я не... Я не из таких. Вы думаете, я одичавшая, старая дева, что соглашусь на всё ради внимания богатого мужика?

— Нет, — горько усмехнулся Виктор. — Я думаю, что это я одичал.

Бросив платье, он шагнул к Марии, собираясь обнять ее.

Мария

Она не питала иллюзий о своей внешности. Видела, какие девушки «в тренде». Знала и о своей непривлекательности, но говорить об этом с таким сарказмом просто возмутительно. Поведение Власова ранило. Она почувствовала себя глубоко уязвленной. И тем сильнее, когда он сказал, что хочет

ее.

— Прекратите этот цирк! — потребовала она, когда он попытался обнять ее. Слезы задрожали у нее на ресницах.

— Так я, по-вашему, еще и клоун? Какая же вы раздражающая! Я говорю вам, что вы разбудили во мне желание, а вы в ответ клоуном называете?

— Желание? Я?!

Издевка высшего уровня! Если бы она могла, дала бы ему пощечину.

— У меня нет короны, Власов! Номер не прошел!

— Какая же вы!

Она не успела спросить, какая.

Власов обхватил ее плечи рукой, другой обнял за талию, притянул к себе и поцеловал.

Это не был нежный поцелуй влюбленного мальчика. Это был поцелуй голодного, отчаявшегося мужчины, который нашел глоток пресной воды в пустыне. Его губы смяли её, властно и требовательно, заставляя забыть, кто она и где. Кончик его носа уперся ей в щеку. И щетина чуть уколола верхнюю губу.

Мария потеряла связь с реальностью, в ней откликнулось что-то новое, неизвестное ей, горячее, что спало годами под слоем книг и мечтаний.

Его запах, дыхание, твердая грудь и сильные руки, мышцы которых перекачивались, — всё это она чувствовала кожей, прикосновения разжигали пожар. Движение его языка у нее

во рту ошеломило. Первый раз. И так это было прекрасно, что она, не отдавая отчета в том, положила ладони Власову на голые плечи. Он прижался плотнее, давление на ее груди стало сильнее. Мария затаила дыхание, когда Виктор сменил положение слева направо, не отрываясь от ее губ. Она отдалась моменту.

Он оторвался на миг.

— Ну что? Веришь теперь?

— Возможно.

— Так тебе мало? — ошеломленно спросил он.

Он перехватил ее поудобней, прижался к ее бедру.

Она подивилась сама себе, когда, склонив голову к плечу, подставила губы его губам, приоткрыла их, желая продолжения. Она стала согреваться от его горячего тела и от того, что сама вся горела.

Приоткрыв глаза, Мария увидела лицо Власова. Загорелую кожу, темные брови, прикрытые дрожащие веки. Закрыла, отдаваясь ощущению давления там, где его руки держали ее.

Но вдруг всё кончилось.

Виктор резко оторвался от неё, тяжело дыша, и ей стало холодно. И потому еще, что его глаза горели бешенством.

— Ну вот. Теперь у тебя будет повод... Моя репутация давно сгорела, но можешь выставить себя бедняжкой и жертвой, — прохрипел он, отталкивая её к двери. — Вон из моего дома!

Тон не подразумевал спора.

Мария, потрясенная, прижимая ладонь к горевшим губам, выбежала в холл, спустилась по лестнице и побежала в гостиную. Она схватила сумку, кинулась в коридор, а Власов уже спускался по лестнице. Сердце колотилось где-то в горле.

И вдруг входная дверь распахнулась, впуская ветер и дождь, и дочку Власова.

— Мария Игоревна? — воскликнула Милана, застыв на пороге.

И Мария услышала строгое от Власова:

— Как вовремя. Что ж теперь. Будем общаться.

Глава 3

Мария застыла на пороге гостиной, прижимая ладонь к горевшим губам, и чувствовала, как колотится сердце. Сзади уже слышались тяжелые шаги Власова, спускавшегося по лестнице.

А в распахнутой двери, на фоне серой пелены дождя, стояла Милана. Она замерла, глядя круглыми глазами. С темных, как у отца, волос текло, капли блестели на куртке, но лицо... лицо у Миланы было совсем другое.

То, что у Власова было вырезано жесткими, мужскими линиями, у дочери смягчилось в овал, обрамленный мокрыми прядями. Тонкие брови, пухлые губы, большие карие глаза с поволокой — мамиными, сразу поняла Мария. Породистая, красивая девочка, в которой угадывалась будущая красавица.

— Мария Игоревна? — воскликнула Милана, переводя взгляд на отца, стоявшего на лестнице, и обратно на нее.

"Будем общаться", сказал Власов, и Милана закрыла дверь, но сомнение отразилось на ее лице.

— А вы... вы уходите? — спросила она у Марии, ее взгляд прошелся сверху-вниз.

Мария вспомнила, что вообще-то она без колготок...

— Я... да. То есть нет. Я только что пришла, — выпалила она первое, что пришло в голову, сгорая со стыда. — За-

шла... обсудить твои успехи.

Милана скептически приподняла бровь. В пятнадцать лет этот жест выглядел почти взрослым.

— Вы шли пешком? Я когда на такси ехала, видела в начале дороги машину. "Рено Логан", кажется. Сидит в грязи по самую крышу. Показалось, что это ваша.

Мария ощутила такое сильное смущение, что щекам стало жарко. Она открыла рот, но ни одной внятной мысли в голове не родилось.

— Это моя, — сдалась она. — Я застряла. Твой отец... помог.

— А-а... — Милана перевела взгляд на Власова, который так и стоял на лестнице, скрестив руки на груди. — Давно?

— Да минут пять как.

— М-м. Ладно. — В голосе девочки звучала такая смесь подростковой иронии и внезапной взрослой проницательности, что Марии захотелось провалиться сквозь пол.

— Милана, — вмешался Власов, и голос его звучал устало. — Мария Игоревна промокла до нитки. Ей нужно переодеться.

Милана замерла, стянув с ноги кроссовку наполовину. Она смотрела на ландыши.

— Что?

— Найди Марии что-нибудь впору. Ее насквозь промочило.

— О. Конечно. Пойдемте наверх.

Мария перед тем как подняться, забежала в гостиную и забрала колготки. Заталкивая их в сумочку, она юркнула мимо Власова, лицо которого выражало ледяное безразличие. Как будто не целовались только что! Хладнокровный тип, — подумалось ей.

— Сюда, Мария Игоревна.

Мария нашла девочку в той же комнате, куда завел ее ранее Власов. Милана стояла с платьем-рубашкой в руках.

— Папа хотел дать вам вот это? — спросила девочка и рассмеялась, когда Мария кивнула. — Ужас. Вы бы были в нем как тумбочка. Ой, простите! — воскликнула она, сообразив.

— Я объективно вижу себя. Так что ничего страшного. Твоя мама...

— Она умерла, — тут же перебила Милана и повернулась к шкафу.

— Соболезную.

— Это было давно. Это я... храню ее вещи. Так...

— Она, наверное, была стройная. — Мария обвела взглядом комнату. Тут был туалетный столик из белого дерева, пуфик с сиреневой подушкой, софа, место для чтения.

— Она когда как на самом деле. Вот... Смотрите. Оно хотя бы не длинное как то, что нашел папа. Мама была высокая. И оно свободное, вам должно подойти. И цвет ваш — глаза оттеняет.

Мария взяла платье, тронутая неожиданной заботой.

— Спасибо, Милана.

— Да ладно, — девочка махнула рукой. — Переодевай-тесь.

Девочка вышла, прежде сказав, что будет у себя — в комнате напротив.

Персикового цвета платье, которое выбрала Милана, было с широкой юбкой, и воротничком. Мария посмотрела на себя в высоком напольном зеркале и ахнула. Теперь она действительно выглядела как няня Мэри.

В комнате Миланы было тесно, шумно и ярко. Стены были увешаны рисунками — пейзажи, животные, но больше всего девушек в необычных нарядах. У кровати стояла вешалка, даже был манекен для швеи с пестрой блузкой. В гимназии ученики носили строгую форму — белая рубашка, юбка или брюки, и Мария сильно удивилась обстановке. У окна стоял мольберт с начатым наброском, на полу валялись тюбики с краской, кисти в банках, альбомы. Пахло маслом и почему-то ванилью.

— Ты так красиво рисуешь, Милана! — вырвалось у Марии прежде, чем она успела подумать.

— Пытаюсь, — пожалала плечами девочка, но в глазах ее мелькнуло что-то гордое. — Я больше по фэшн иллюстрации. Знаете что это?

— Создаешь дизайн одежды?

— Точно. — Она прибрала бумаги на столе, схватила охапку одежды, лежавшую на стуле, бросила на пол. — Са-

дितесь, пожалуйста. Что вы хотели обсудить?

— Ну, — начала Мария, чувствуя себя неловко в чужой одежде, но стараясь держаться уверенно. — Милана, ты прогуливаешь уже третий месяц. Я хочу знать почему.

Девочка поджала губы. Сложив руки на груди, она медленно отошла в сторону.

— Вы уже сказали папе?

— Он не обеспокоен. А я да. Все-таки экзамены на носу, Милана! И если я уверена, что во французском ты получишь высокий бал, но ты русский с алгеброй прогуливаешь. Что-то случилось?

— Мне тоже хотелось бы знать.

Мария и Милана обернулись на голос Власова. Он переоделся, выглядел спокойно. Его изучающий взгляд скользил по Марии — очевидно он не ждал увидеть платье супруги на живом человеке. Он нервно облизнул губы, кашлянул, прежде чем продолжил:

— Но не как ты будешь сдавать экзамены, а куда пропадаешь.

Милана покосилась на отца, потом на Марию. Взгляд у нее был упрямый, но не враждебный.

— Я не просто так прогуливаю, — сказала она. — Я в детском приюте помогаю. Там стены в игровой облезли совсем, ужас. Я уже месяц езжу, оформляю их. Рисую. Чтобы детям было красиво.

— Что? — переспросил он хрипло. — Почему ты не го-

ворила?

— А ты спрашивал? — Милана вдруг вспыхнула. — Ты вообще когда-нибудь спрашивал, чем я живу? Тебе же главное, чтобы оценки были, да? Чтобы я в одиннадцатый класс поступила, а потом на экономический, и на теплое место пришла в твоей компании работала, продолжала твое дело! А я не хочу!

— А что ты хочешь? — Власов тоже повысил голос. В нем чувствовалась растерянность, которую он пытался спрятать за гневом. — Рисовать на стенах? Этим ты собираешься зарабатывать?

— Это моя бескорыстная помощь! — Милана топнула ногой. — Я говорила, что хочу в Милан уехать. Или во Францию. На дизайнера учиться. Тебе какая разница за что платить?

— Разница в том, что там я не смогу... защитить тебя!

— Отчего?!

— От всего! Ты побывала в Париже, как туристка, и думаешь, что все знаешь! А это не так! Жизнь там тяжелая.

— Тогда в Москву или Питер отпусти.

— Еще чего!

— Вот! О том я и говорю. Никаких компромиссов! Не хочу с тобой разговаривать!

Мария смотрела на них — отца и дочь, таких похожих в своем упрямстве, и таких далеких друг от друга. Власов выглядел так, будто его огрели по голове. Милана — слов-

но она будет биться на смерть. Спор, очевидно, был старый. При этом Мария понимала страх Власова отпустить дочку, творческую девочку, выросшую в заботе и уюте, не выдававшую жесткую конкуренцию. И понимала стремление девочки соединить творческий талант с профессией.

— Милана, — мягко вступила Мария. — Я понимаю твоё желание помогать, это похвально. Но если ты будешь прогуливать уроки, экзамены ты не сдашь. И в Милан не поедешь. И в Питер. И может и в Краснодаре не поступишь.

Милана обернулась к ней. Взгляд ее смягчился.

— Мария Игоревна, ваши уроки я люблю. Правда. Ваши пропускать не стану. Можно я закончу с приютом на той неделе, и больше прогулов не будет?

Мария вздохнула.

— Хорошо. Но лучше поторопиться, пока за тебя не взялась директор.

— Минуточку! — Власов уставился на Марию. — Вы так возмущались прогулами, а теперь даете зеленый свет?

— Милана умная девочка. А прогулы мы наверстаем. — Мария посмотрела на девочку. — Ты главное приходи после уроков на дополнительные.

— Спасибо, Мария Игоревна. — Милана с вызовом посмотрела на отца. — А ты папа доволен моим ответом?

— Приют... И как тебя туда занесло?

— Хотела, чтобы наша фамилия звучала в хорошем смысле, — горько сказала девочка.

Власов внезапно прижал ладонь к лицу, издал болезненный стон, развернулся и вышел. Мария поняла — ей пора.

— Думаю, мне можно ехать домой.

— Да? Ладно, — Милана сделала шаг к двери и замялась на пороге. — Вы это... не думайте про папу плохо. Он не такой, как про него говорят.

И вышла, оставив Марию с этой фразой и ворохом вопросов.

Мария постояла секунду, прижимая к груди ладонь. Ткань платья приятно грела, в нем она чувствовала себя почти уютно, и вышла в коридор. В кухне шумела вода. Внизу, в гостиной, было тихо. Власов стоял у окна, спиной к лестнице, и смотрел на дождь, который уже почти закончился, оставив после себя только морось.

Он не обернулся на ее шаги.

— Виктор Сергеевич, — позвала Мария тихо, прижимая к себе сумку и мокрые вещи. — Я, наверное, поеду. Спасибо за помощь и за... за платье. Я его верну.

Он обернулся медленно, словно нехотя. Взгляд его скользнул по ней — по персиковому платью, по влажным волосам, которые уже начинали виться, по лицу — и задержался. В глазах мелькнуло что-то, от чего у Марии перехватило дыхание. Все смешалось в этом взгляде — и тоска, и сожаление, и как будто что-то теплое и нежное.

— Не стоит, — сказал он хрипло. — Оставьте себе. Все равно пылится.

— Но это память о вашей жене...

— Память — она в голове, — перебил Власов. — А вещи... они для живых.

Он отвернулся, и Мария поняла, что разговор окончен. Она забрала плащ со спинки дивана, направилась к выходу, но у двери остановилась, вспомнив.

— Моя машина...

— Я вытащу, — бросил он, не оборачиваясь. — Подождите. Я только куртку возьму.

Сапоги были заляпаны грязью, но делать нечего. Мария со вздохом сунула в них голые ноги. Власов снял куртку с крючка, пошел к двери и вдруг остановился, повернулся. Подошел к скамье в прихожей, где оставил ландыши, взял один букет и протянул Марии.

— Это вам.

Она опешила.

— Мне? Но... вы везли их кому-то...

— Я вез их домой, — перебил Власов. — В память о жене. Берите. В качестве извинения. Я не хотел... напугать вас.

Мария взяла букет, уткнулась носом в нежные белые колокольчики. Пахло весной, свежестью, чем-то невозможным.

Они вышли из теплого дома. Мария поразилась прохладной сырости, и с благоговением расслабилась, сев в автомобиль, подставила лицо теплоте потока воздуха из обогревателя. Волосы окончательно высохли и стали пушиться.

Они снова ехали молча в его внедорожнике, но уже к ее машине. Дождь кончился, небо светлело. Мария держала букет на коленях и украдкой поглядывала на Власова. На его руки, сжимавшие руль. Сильные, широкие ладони, которые совсем недавно держали ее лицо, растирали ее ледяные ступни, сжимали ее плечи. Которыми он обнимал ее. В них была загадка — почему кожа шершавая? Сильные мужские ладони.

"Ими он обнимал меня."

От этой мысли по телу разлился жар, и Мария злилась на себя за эту слабость.

Надо думать о деле, а не о... Но мысли возвращались снова и снова. К его губам. К его запаху. К тому, как он смотрел на нее, когда она вышла в платье его жены. В этом взгляде не было равнодушия. Совсем.

— О чем задумались? — спросил Власов, не поворачивая головы.

Мария вздрогнула.

— О Миле, — соврала она. — Она правда талантливая. Рисунки потрясающие.

— Нет, — коротко ответил он. И после паузы добавил: — Для подростка может и да. И для тех, кто никогда не рисовал.

— Ей нужно развиваться. Если она хочет в дизайн, там нужен хороший портфолио. И языки. Французский, итальянский... Почему вы не хотите рассмотреть ее вариант?

— Я понял, — перебил он. — Вы хотите сказать, что я

плохой отец.

— Я хочу сказать, что вы занятой отец, — мягко поправила Мария. — Это разные вещи.

Власов усмехнулся, но усмешка вышла горькой.

— Она думает иначе.

— Она — подросток, сами же сказали. Для нее вы — отец, а не бизнесмен. Ей нужно ваше внимание, а не деньги.

Он резко повернул голову, посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом.

— Вы всегда такая... прямая?

— Всегда, — кивнула Мария. — Это недостаток?

— Почему же. Отличное деловое качество. В бизнесе это ценится, особенно в обращении с подчиненными.

— Простите, если заставила вас думать, будто назидаю сверху.

Она заставила себя смотреть в окно. Дождь смыл грязь, воздух стал прозрачным, пахло мокрой зеленью.

О чем думает Власов? Об их поцелуе? Она исподтишка всмотрелась в его профиль, казалось, Виктор невозмутимо уже обдумывал дела, далекие оттого что случилось между ними.

Власов остановился у ее машины, вышел первым, обошел капот и открыл ей дверь. Протянул руку, помогая спуститься. Мария вложила ладонь в его крепкую сильную руку, прыгнула с подножки.

Она оказалась близко, и потому уставилась в его глаза. Его

лицо — в нескольких сантиметрах, глаза темные, усталые, губы...

Она задержала взгляд на его губах и тут же отвела, испугавшись самой себя. Запах его парфюма, смешанный с запахом дождя и мокрой кожи куртки, кружил голову.

— Спасибо, — сказала тихо.

— Не за что.

Он отошел, и Мария выдохнула. Такой галантный мужчина. Вспыльчивый, но не боится извиниться.

Что имела в виду Милана? Кто говорит о Власове? Что? Почему девочка боится, что о нем подумает ее учительница?

Она смотрела, как он крепит трос, как садится в машину, как одним рывком вытаскивает ее "Рено" из грязного плена.

У него много работы, думала Мария, пока Власов отцеплял трос. Он вдовец. С дочкой разлад. Она видела, как он дернулся, когда девочка упомянула про приют — он правда не знал.

Он просто не умеет уже спрашивать, разучился быть близким. И тем печальней, что нет супруги, а у девочки — матери.

Некому провести переговоры между сторонами, утонувшими в недопонимании.

— Виктор Сергеевич, — позвала она, когда он подошел.

Он вопросительно поднял бровь.

— Я... если хотите, я могу позаниматься с Миланой сверх того, что она пропустила. У нее талант к языкам. Пусть вы

настаиваете на экономическом, языки пригодятся. Обязательно пригодятся. Могут даже приезжать, если ей так удобнее.

Он смотрел на нее долго и изучающе.

— Вы погубите свою репутацию, — сказал Власов наконец.

— Почему? — удивилась Мария. — Потому что вы отец моей ученицы?

Власов усмехнулся, но усмешка вышла горькой.

— Мария Игоревна... Вы совсем не интересуетесь светской хроникой?

— Нет. А что?

Он шагнул ближе. Теперь она видела каждую морщинку у его глаз, каждую песчинку седины в волосах.

— Люди вас не поймут.

— Какие люди? Весь Краснодар? — пошутила она.

— Он самый. И ничего забавного в этом нет. — Он выдержал паузу, словно решался. — Ведь меня обвиняли в изнасиловании.

Он выплюнул это слово, как яд. И отвернулся, словно был не в силах смотреть на ее реакцию.

Глава 4

Мария

Дома Мария первым делом поискала в интернете информацию.

«Сотрудница обвинила... Власов утверждает, что не принуждал. Суда не будет... Достигнуто мировое соглашение с компенсацией».

Комментаторы с пеной у рта доказывали, что «богатеи откупился».

Мария корила себя за то, что ничего не ответила Власову на его признание. Что молча кивнула и села в машину, даже не поблагодарив.

Это потому, что он застал ее врасплох, и к тому же ее охватили противоречивые чувства. Она еле сдержалась от смешка и восклицания: *«Что за глупость?!»*

И среди чувств, вихрящихся в груди, не было страха. Поведение Власова, как он с ней обращался: нужно быть не в своем уме, чтобы по-настоящему испытать ужас или отвращение. И поверить, что он — насильник.

«Меня обвинили». Но не приговорили, верно? Вот он на свободе. И его явно мучает совесть. Ну или что-то еще.

Милане тоже тяжело. Мария даже и представить не могла, что почувствовала бы на ее месте. Должно быть, девочке очень непросто. Верит ли она в обвинение? Или отцу?

Она закрыла ноутбук и долго сидела, глядя на букет ландышей. А потом легла в постель — и мысли потекли совсем в другую сторону...

Его манеры, с которыми он с ней обращался, конечно, возмущали. Стал бы кто другой без спросу хватать девушку и носить на руках?

Но минуту, — размышляла она, — он ее через канаву перенес. Если бы она не растерялась, сама бы попросила об этом. Просто ветер вырвал зонт, и с ним улетела всякая мысль. Власов согрел ее. Он был вынужден действовать решительно и быстро. Ее правда колотило от холода.

Поцелуй... А что поцелуй?

Мария вспомнила, с каким жгучим голодом он целовал ее. Хотя она сама хороша. Прильнула всем телом, подставив лицо: *«целуй дальше»*.

Он не встретил сопротивления, вот и продолжил. Но потом остановился, не пошел дальше. Совсем не похоже на «чудовище», каким его рисовали в сети. Он позаботился о ней. Даже извинился! Запах ландышей напоминал об этом.

Да и стал бы злодей предупреждать жертву, что она может пострадать?

Нет. Виктор Власов не способен обидеть женщину!

Произнося про себя его имя, она словно чувствовала его возбуждение. Пусть она и не была с мужчиной ни разу, но она не дура, прекрасно понимала, что он был... твердым.

Фантазия ее распалялась все сильнее. Они были в доме

одни. Если бы это была не первая встреча, она бы не смогла противиться. Она бы ему отдалась.

То, что она долго игнорировала в себе, пробуждалось. Желание. Страсть. Жадность до мужских ласк.

Она и не подозревала, что в ней живут подобные стремления. Отношения всегда казались чем-то призрачным, чем-то далеким, чем-то, что не является частью ее истории. Она читала о чужой страсти в книгах, не примеряя на себя. И вот.

И вот она лежит в постели, вспоминает с жаром руки и губы Власова и вся пылает.

Внезапно в сознание ворвалась другая мысль, не менее ошеломительная. Она желала не просто ласк несуществующего идеала. Она хотела именно Виктора Власова.

В понедельник после уроков Милана осталась на дополнительное занятие.

Они сидели в пустом кабинете, за окнами гудел весенний Краснодар, солнце косыми лучами падало на парты. Милана старательно выписывала спряжения глаголов в тетрадь, изредка поправляя темную прядь, падавшую на лицо. Заниматься с ней было одно удовольствие — схватывала на лету, память отличная, произношение чистое. Мария даже залюбовалась, как девочка склоняет голову, выводя слова.

— Мария Игоревна, — вдруг оторвалась от тетради Милана. — А можно спросить?

— Конечно.

— Вы тогда, в пятницу... вы с папой долго были?

Мария поперхнулась воздухом.

— Ну... пока он машину вытаскивал, пока разговаривали. Минут сорок, наверное.

— Ага. — Милана покрутила ручку в пальцах. — Он после вашего отъезда сам не свой ходил. Всё спрашивал про меня, про учебу. Даже в приют хотел поехать, посмотреть.

— Это же хорошо, — осторожно сказала Мария. — При-знаюсь, я была удивлена, когда он сказал, что знает о твоих пропусках. Что ты уходишь якобы по состоянию здоровья. Как же это он тобой не интересуется? Я не поверила.

Милана посмеялась.

— У него нет выбора.

— Почему?

— Он... — Милана повертела ручку. — Даже если его ди-ректор вызовет, он не приедет сюда. Вот и дал добро. Лишь бы двоек не было.

— Он боится директора? Почему?

Девочка вскинула глаза, нахмурилась.

Тут до Марии дошло — репутация Власова известна и в стенах гимназии. Ему, очевидно, невыносимо показываться на людях.

— Он не любит отрываться от работы, — дала отговорку Милана.

— Поняла.

Через несколько минут письма девочка снова остано-ви-

лась.

— Честно, мне папин интерес лишний. Ведь дело не в том, есть у него интерес к моим делам или нет. А с какой целью он интересуется. Он как будто... заполняет пустоту. Понимаете? Мамы нет, работа у него трудная. А тут я. И он... ну, как будто я должна быть для него всем. И другом, и дочкой, и... не знаю. Мне иногда хочется просто жить, а не быть его смыслом жизни. Потому я утаила о приюте.

Мария слушала и поражалась, насколько точно пятнадцатилетняя девочка сформулировала то, что многие взрослые не могут объяснить годами.

— Тяжело тебе.

— Ага. — Милана отложила ручку. — Вот я в приюте и отрываюсь. Там столько всего нарисовала! И еще... там парень один помогает. И мне не хотелось бы, чтобы папа о нем знал.

— Парень? — насторожилась Мария.

— Ну да. Из одиннадцатого класса.

— Из нашей гимназии?

— Нет. Он... не знает моей настоящей фамилии. И я хочу, чтобы так осталось.

Стесняется репутации отца, поняла Мария.

— Он в художке с семи лет учился, представляете? Поступать будет в архитектурный. Мы с ним стены расписываем, а потом чай пьем. И разговариваем. Он такой... понимающий.

Мария внутренне напряглась. Одиннадцатиклассник, по-

что взрослый парень, и пятнадцатилетняя девочка. С одной стороны — ничего криминального, всего два года разницы. С другой — она же еще ребенок совсем.

— Вы хорошие друзья? — спросила она как можно нейтральнее. — Приятели?

— Да! Рисует круто, добрый, не задается. И на меня не как на мелюзгу смотрит, а нормально.

Мария открыла рот, чтобы спросить, не обижает ли он ее, не домогается ли, но вовремя прикусила язык. Не ее дело. Она учительница французского, а не надзиратель. И если начнет лезть с расспросами, Милана просто закроется.

— Ты осторожнее там, — только и сказала она. — И уроки не забывай.

— Не забуду, — пообещала Милана и снова уткнулась в тетрадь.

Домой Мария вернулась уставшая, но с теплым чувством. Разговор с Миланой ее тронул. Девочка доверилась ей, рассказала о сокровенном. Значит, не зря она ездила в тот ливень, не зря мерзла и мокла.

Всё как будто налаживалось, ей захотелось привести в порядок квартиру. Разобрать книги, тетради, методички, распечатки — всё это громоздилось на маленьком письменном столе, за которым она работала. Стул вечно упирался в кровать, приходилось сидеть боком, выворачивая шею к ноутбуку.

— Надо менять, — сказала Мария вслух, окидывая взгля-

дом комнату.

Надо покупать большой стол. Чтобы и книги положить, и тетради, и ноутбук. Или полку.

Она представила, как могло бы выглядеть ее рабочее место. Светлое дерево, удобное кресло, полки над столом. И вдруг в памяти всплыла картина — туалетный столик из белого дерева в комнате покойной жены Власова. Изящный, с резными ножками, с пуфиком, обтянутым сиреневой тканью, с большим зеркалом в красивой раме.

Вот бы и ей такой.

Мария даже зажмурилась, представляя, как просыпается утром, садится перед таким столиком, приводит себя в порядок. По-женски, красиво, не торопясь. А потом поворачивается и видит... его. Виктора. С чашкой кофе в руках, с этим его тяжелым, темным взглядом, от которого подкашиваются колени.

— Господи, о чем я думаю? — прошептала Мария, открывая глаза. — Сошла с ума окончательно.

Но образ не уходил. Белый столик стоял перед глазами, а в груди разливалось сладкое, тягучее тепло.

Она достала телефон, зашла на сайт с мебелью и принялась листать варианты. Нет, не то. Слишком современное, слишком строгое...

Мария отложила телефон и уставилась в потолок. Мысли о Викторе Власове не оставляли места ни для чего другого. И чем больше она думала, тем отчетливее понимала: она хочет

его увидеть. Но звонить без повода — глупо. И приезжать — тем более.

Следующий день встретил привычной вереницей дел. Проверить тетради, подготовить материалы для районных проверочных, заказать новые учебники, созвониться с родителями отстающих — и это только до обеда.

В учительской сидела Инга Сергеевна, учительница биологии с двадцатилетним стажем, и разбирала кипу работ. Она отложила красную ручку и похлопала по стулу рядом.

— Присаживайся, Маш. Дело есть.

Мария налила себе кофе и села, чувствуя подвох. Инга Сергеевна просто так никогда не звала.

— Ты слышала, что у одиннадцатых классов весной проверочные по русскому перенесли?

— Слышала, — кивнула Мария. — У нас по французскому тоже сдвинули.

— Ну да, ну да. — Инга Сергеевна помолчала, а потом выдала: — Работы много. Но на следующий год пора тебе взять классное руководство. У восьмого «Б» через месяц классный освобождается — Галина Петровна в декрет уходит.

Мария поперхнулась кофе.

— Восьмой «Б»? Это же... те самые?

— Те самые, — усмехнулась Инга Сергеевна. — Но ты не бойся. Они только с виду лоботрясы, а на самом деле нормальные ребята. Им просто рука нужна твердая и добрая.

Как у тебя. И сама знаешь, с классным руководством совсем другие деньги. И потом, Маш, ты сколько уже в школе? Третий год пойдет? Пора расти. Ты учитель года, между прочим. Ты справишься.

Мария задумалась. Инга Сергеевна была права. Она боялась классного руководства из страха не справиться. Боялась, что дети не будут ее слушаться, что родители станут жаловаться, что она не может найти подход. Вид у нее мягкий, добродушный. Вот такие, как Инга, в жестком костюме, с темными волосами — вот это авторитетные учителя.

И вдруг она вспомнила. После разговора с Миланой, после того, как девочка доверилась ей, Мария почувствовала: она сможет.

— Вы правы, — сказала она твердо. — Следующий год точно.

— Вот и молодец! — Инга Сергеевна довольно кивнула. — Не робей. Развивай карьеру. Кстати, ты уже провела ревизию в своем кабинете? У меня руки не дойдут.

Школьный совет запланировал обновить мебель по необходимости, Мария давно составила список.

— Я могу помочь, Инга Сергеевна.

— Ты прелесть!

Новое дело, новая ответственность, новый вызов. И это было приятно. Уроки пролетели незаметно. Мария ловила себя на том, что смотрит на старшеклассниц и думает о Милане. Вон те две хохочут в углу, строят глазки парням. А вон

та, тихая, сидит одна и читает. У каждой своя судьба, своя мама, которая, наверное, рассказывала им, как общаться с мальчиками, как не попадать в глупые ситуации, как беречь себя.

А Милане кто расскажет?

Мария вспомнила про приютского парня. Хороший ли он? Не обидит ли? Не воспользуется ли доверием девочки, которая тянется к нему, ищет понимания и тепла? Успела ли мама Миланы поговорить с дочерью? Научить ее разбираться в людях, отличать искренность от притворства, не терять голову от первой влюбленности?

Или Милана осталась с этим одна, как и ее отец остался один со своей тенью?

Мария вздохнула. Это не ее дело. Она учительница, а не мама. Но где-то глубоко внутри уже зарождалось теплое, почти материнское чувство к этой девочке с темными глазами.

И другое — совсем иное, сладостное и тягучее, от чего перехватывало дыхание, — к ее отцу. И она не знала, что с этим делать.

Глава 5

Мария

После занятий Мария собрала тетради на проверку, материалы для подготовки к экзаменам и поехала в ближайший мебельный магазин.

Впереди выходные, и будет гораздо удобней и приятней работать за новым рабочим столом. Старый совсем разваливался, и каждое утро начиналось с того, что она подпирала ножку сложенной газетой.

Мебельный магазин походил на огромный ангар, забитый шкафами, диванами и столами всех мастей. Мария бродила между рядами, трогала столешницы, заглядывала в ящики и пыталась представить, как всё это будет смотреться в ее маленькой квартире. Наконец она нашла то, что искала. Светлый дуб, удобные полки, ящики для тетрадей. И цена приемлемая.

— Я беру, — сказала Мария подошедшей девушке-консультанту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.